

Театр поступил правильно

«ПРАВДА» 1942 года. Большой заголовок на всю страницу: К. Симонов. «Русские люди». Так пришла к читателям эта пьеса. А вскоре тысячи зрителей увидели ее героев во МХАТе и в десятках других театров.

Тогда, в грозные дни войны, «Русские люди» были воспроизведением на сцене одного из будничных эпизодов действительности. Слово прямо, с передовой, в пропыленных, выцветших гимнастерках пришли в спектакль капитан Сафонов, военфельдшер Глоба, девушка-шофер Валя, журналист Панин, на первый взгляд ничем не примечательные люди, вовсе и не думающие о высоких материях, о героизме, о самопожертвовании. Без громких фраз несут они тяжелое бремя войны и, когда нужно, идут на смерть.

15 лет назад пьеса показывала истоки массового героизма советских людей, учила ненависти к врагам. А как она прозвучит сейчас, когда давно уже отошли в прошлое суровые военные годы? И правильно ли поступил театр, приняв к постановке пьесу?

...Занавес Московского театра драмы и комедии приоткрыт. Как будто огромное знамя закрывает от зрителя сцену. И только справа сверху виден маленький кусочек неба, и алый флаг бьется и трепещет на ветру. Потом раздвигается тяжелый занавес, в полумраке видны

очертания какого-то дома, а пламенный флаг наверху все так же трепещет и бьется, передавая зрителю ощущение тревоги, борьбы, надежды...

Так начинается спектакль, поставленный режиссером А. Плотниковым. И чем дальше развивается действие, тем ближе и роднее становятся для нас его герои.

Режиссер не увлекается внешними постановочными эффектами, не акцентирует внимание на острых моментах сюжета пьесы. Его интерес сосредоточен на внутреннем

в ней новой болью. Но есть в этой душе коммуниста нечто такое, что помогает ему вынести все, выстоять, не согнуться. Это любовь к Родине, вера в грядущую победу.

Без ложной декламации, просто и сильно произносит Е. Кузнецов заключительные слова Сафонова, узнавшего о гибели русских патриотов, в том числе и своей матери, повешенной фашистами:

— Только очень жить я хочу. Долго жить. До тех пор жить, пока я своими глазами последнего из них, кото-

патетики поднимается артист Ю. Розанов в сцене ухода военфельдшера Глобы к фашистам, на верную гибель. Этот момент принадлежит к числу тех, к сожалению, не очень частых моментов, когда даже самый спокойный зритель охвачен высоким волнением и его сердце учащенно бьется в лад с сердцем героя...

Есть в спектакле и другие актерские удачи. Очень достоверны и убедительны В. Кабатченко (Васин), П. Голышев (Панин). Запоминается в эпизодической роли старика артист С. Бардин.

Менее выразительны образы врагов. Лишь Л. Вейцлер создает далекий от штампа характер фашистского «психолога» и садиста Вернера.

Спорным, на наш взгляд, является введение режиссером чтения перед началом каждой картины военных стихов К. Симонова. Только мешает зрителю назойливо-иллюстративное музыкальное сопровождение.

На каждом спектакле «Русских людей» в зрительном зале театра много молодежи. Юноша рождения 1940 года, увидев и узнав Сафонова, Глобу, Панина, подумает: «Таких был мой отец». И хорошие, светлые чувства поднимутся в его душе.

Стоит ли еще доказывать, что театр правильно выбрал пьесу и создал хороший, нужный спектакль?

Б. ЕВСЕЕВ.

«РУССКИЕ ЛЮДИ» В ТЕАТРЕ ДРАМЫ И КОМЕДИИ

мире героев, вместе с исполнителями он стремится раскрыть строгую душевную красоту и истинный патриотизм скромных тружеников войны.

Постепенно открывается перед нами большое мужественное сердце капитана Сафонова (артист Е. Кузнецов). Много накопилось в этом сердце горечи и боли. Один за другим гибнут боевые друзья. Может быть, не вернется с задания любимая девушка Валя... Вслед за драматургом артист раскрывает человечность Сафонова. Нет, не очерствела за месяцы тяжелых боев его душа. Каждая новая потеря отзывается

рые это сделали, мертвым не увижу! Самого последнего, и мертвым. Вот здесь, вот, под ногами у меня.

Запоминающийся характер русской женщины Марфы Петровны Сафоновой, по природе сердечной и доброй, но беспощадной к врагам создает артистка Н. Федосова. Одна из несомненных удач спектакля — Валя Анощенко в исполнении Л. Бухарцевой. В ней — и девичье обаяние, и первая робкая любовь. Но над всем этим — зрелость воина, уже много пережившего и научившегося ненавидеть врага.

До подлинной героической

Московский комсомолец

14.1.58.